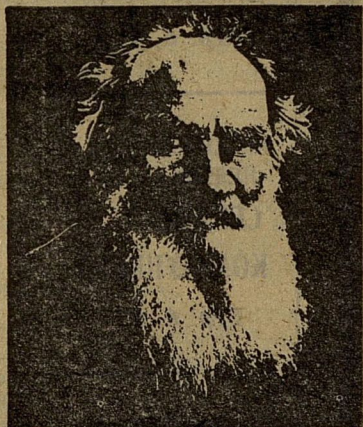

РОМАН ИЗ СОВРЕМЕННОЙ

Когда сегодня мы оцениваем творческое наследие гения отечественной литературы Льва Николаевича Толстого, то совершенно отчетливо сознаем, что оно захватывает самые вершинные завоевания мировой культуры за всю ее историю. И эту историю невозможно представить себе без опыта Толстого. Время отчеканило эти оценки с неопровержимой убедительностью истины, а между тем на протяжении творческого пути Толстого сопровождал нарастающий шум полемики.

Если роман «Война и мир» при своем появлении вызвал десятки разноречивых суждений в журналах,

то «Анна Каренина» были посвящены многочисленные статьи не только в журналах, но и в газетах. «Воскресение» — это первый роман, переданный по телеграфу и печатавшийся одновременно в России и других странах мира. Можно сказать, что судьба великих романов Толстого складывалась публицистически. Критическая история трех его совершенных творений — «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения» — свидетельствует о том, как постепенно складывалась и ценой многих заблуждений вырабатывалась та высокая оценка этих произведений, которая в наши дни считается общепризнанной. Вчитываясь в строки полемики столетней давности, будто наяву ощущаешь, как Толстой влиял на свою эпоху, становясь эпицентром, вокруг которого разгорались бури времени. К юбилею писателя издательство Московского университета подготовило книгу «Лев Толстой и русская журналистика его эпохи», в которой ошутим накал этой полемики. Предлагаем вниманию читателей фрагменты из главы, посвященной «Анне Карениной».

Более ста лет назад, в 1875 году, в январском номере журнала «Русский вестник» были напечатаны первые главы «Анны Карениной». После «книги о прошлом», как Толстой называл «Войну и мир», его роман из современной жизни поразили читателей «вседневностью» содержания. «Мне теперь так ясна моя мысль», — говорил Толстой в 1877 году, завершая работу над романом. — Так в «Анне Карениной» я люблю мысль семейную, в «Войне и мире» люблю мысль народную, вследствие войны 12-го года... Конечно, и в «Войне и мире» есть «семейная хроника», и в «Анне Карениной» есть «картины народной жизни». «Мысль семейная» романа «Анна Каренина», написанного в 70-е годы, осветила внутреннюю жизнь русского общества, когда с особенной остротой был поставлен вопрос о будущем страны и народа.

«Все врознь» — так определил сущность пореформенной эпохи Достоевский. Толстой видел перед собой «раздробленный мир», лишенный нравственного единства.

Из разрозненных подробностей в романе Толстого возникает цельная картина «современного Рима» эпохи упадка цивилизации.

«Все смешалось» — формула лаконичная и многозначная. Она определяет тематическое ядро романа, охватывает общие закономерности эпохи и частные обстоятельства семейного уклада.

По «энциклопедическому содержанию» роман «Анна Каренина» можно сопоставить лишь с «Евгением Онегиным» Пушкина.

Дело здесь, конечно, не в полноте и не в количестве «примет времени», а в том, что в «Анне Карениной» Толстой вывел художественную формулу целой исторической эпохи.

Ни одно из произведений Толстого, написанных до перелома в мирозерцании, не вызвало таких споров, как «Анна Каренина». Парадокс критики по отношению к Толстому заключался в том, что она предлагала «обратное» толкование его замыслов. Когда он написал «книгу о прошлом» — «Войну и мир», критика утверждала, что это не «историческое», а «современное произведение». Когда же он создал «роман из современной жизни»

— «Анну Каренину», критика принялась утверждать, что это произведение «архаическое», «историческое», какое угодно, только не современное.

Отказывая роману Толстого в праве называться современным произведением, критика вместе с тем, разбирая характеры и судьбы героев, углублялась в наиболее злободневные проблемы. В полемику были втянуты важнейшие журналы и газеты 70-х годов: «Русский вестник», «Дело», «Отечественные записки», «Биржевые ведомости», «Вестник Европы» и другие издания.

Статьи о романе, рецензии, фельетоны, обзоры, критические заметки наполняли газеты и журналы. Литературная критика становилась открыто публицистичной, едва речь заходила об «Анне Карениной». «О выходе каждой части Карениной», — пишет Н. Н. Страхов, — в газетах извещают так же поспешно и толкуют так же усердно, как о новой битве или новом изречении Бисмарка». Невозможно себе представить русскую журналистику 70-х годов без этих нескончаемых споров об «Анне Карениной».

Роман Толстого был тревожным и тревожащим, как само время.

Судьба «Анны Карениной» оказалась еще более неблагоприятной, чем судьба «Войны и мира». И опять нерасположение к Толстому начиналось где-то в высших сферах: «За настоящими светскими людьми», «дружно ругающими» Толстого, как это отметил Лесков, «тянут ту же ноту действительные статские советники...»

Вот почему критическая литература 70-х годов, посвященная «Анне Карениной», всегда привлекала внимание историков литературы и историков журналистики. Мало того, что она позволяет глубже понять замысел Толстого, она рисует эпоху «Анны Карениной» с ее характерными идеями, запросами, пристрастиями и предрассудками.

Катков отказался от «Анны Карениной», когда выяснилось, что ее невозможно истолковать в духе «Русского вестника». Но это произошло не сразу. Вначале он надеялся, что с некоторыми оговорками можно будет объяснить содержание и смысл этого романа и выдать Толстого за «своего».

Роль истолкователя толстовского замысла принял на себя известный в те годы критик и писатель В. Авсеенко. Одна из его программных статей называлась «Наши литературные предания». Его особенно прельщали предания «чистого искусства», противопоставленные новейшим публицистическим и гражданским стремлениям.

Толстой писал «современный роман», или «роман из современной жизни». Авсеенко доказывал, что «Анна Каренина» не является современным романом в собственном значении этого слова.

Специальностью «Русского вестника» был антинигилистический роман. И в «Анне Карениной» Авсеенко искал привычные картины. Прежде всего ему казалось, что роман Толстого чудно так называемых «общественных задач» и «вопросов». «Не одни только общественные формы заслуживают внимания», — пишет Авсеенко. Его как критика интересовали прежде всего «культурные начала, разлитые в общество». Но он понимал их по-своему.

Роман Толстого, по его мнению, должен был служить поспрамлению тех, кто безусловно отвергает «всякое художественное произведение и всякую драму, развивающуюся не в кругу мастеровых и причетников». Авсеенко метил в «нигилистов».

В 1887 году дифирамбы Авсеенко сияли. Перетолковывать роман Толстого становилось все труднее. Тут нужен был другой тон и другое перо. Особенно после того, как произошел разрыв отношений автора и редакции. Надо было как-то ответить и на выпад Толстого против «Русского вестника» в предисловии к отдельному изданию эпизода «Анны Карениной».

И тогда за дело принялся сам редактор «Русского вестника» М. Катков. Он написал статью под насмешливым названием «Что случилось по смерти Анны Карениной». Это был иронический пересказ последней части романа, который должен был доказать, что «по смерти Анны Карениной» ничего не случилось, что роман кончился и заключительная часть его, не напечатанная в журнале, и не заслуживала того, чтобы быть напечатанной. Катков хотел сказать, что в самоубийстве Анны было что-то мистическое и как бы предначертанное. Вместе с тем он не отказывался от возможности поиронизировать над «жестоким замыслом» автора, который уже на первой странице своего романа посулил героине неминуемую гибель.

Катков разрушал представление о романе как художественном целом. Это была его «страшная месть» за разрыв с «Русским вестником». Теперь он видел в нем лишь «прекрасные характеристики и эпи-

зоды». От прежних дифирамбов Авсеенко не оставалось и следа.

Трудно сказать, что произвело большее впечатление на П. Ткачева — роман Толстого «Анна Каренина» или статьи Авсеенко об этом романе. Во всяком случае, он, по-видимому, считал, что они друг друга стоят. Вся эта великосветская литература вызвала у него, радикального критика из демократического журнала «Дело», резкое чувство протеста.

В своих суждениях о Толстом он исходил из двух основных положений, которые были с наибольшей подробностью развиты в статьях Авсеенко: роман «Анна Каренина» — великосветский роман, а ее автор — художник школы «чистого искусства». Приняв эти суждения за основание, Ткачев не остановился перед самыми резкими и решительными выводами.

Этот парадокс превращения дифирамба в памфлет ясно понял Н. Михайловский. Он назвал «пещерными людьми» и Авсеенко, и Ткачева. Они, по мнению Михайловского, ослеплены долгим пребыванием в своих тесных сферах и не все могут разглядеть и понять. «Толстому должно быть обидно слышать похвалы пещерных людей», — сказал Михайловский. Он уважал силу — «десницу» Толстого: его народолюбие, которого как будто не хотели видеть ни Авсеенко, ни Ткачев. «Они бы рады были из него лешу сделать!» И это восклицание Михайловского относится не только к Авсеенко, и к Ткачеву.

«Русский вестник» и «Дело» — два наиболее сильных и влиятельных журнала 70-х годов. Если первое из этих изданий читалось всей служавшей Россией, преимущественно чиновной и аристократической, то второе было весьма распространено в радикальных кругах разночинной интеллигенции. Столкновение прямо противоположных по форме, но сходных по существу оценок в критике Авсеенко и Ткачева придавало успеху романа некий скандальный оттенок.

И Толстой вскоре убедился, что влияние журнала «Дело» на критические суждения многих газет и журналов было огромным. «Боюсь и не люблю критик и еще больше похвал», — признавался Толстой в письме к Страхову. Рецензенты сплошь и рядом писали об «Анне Карениной» со слов Ткачева. А те, кто не успел вовремя прочесть его фельетоны,

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В кабинете Л. Н. Толстого в Ясной Поляне среди дорогих для него портретов близких людей висит слегка пожелтевшая, всем знакомая со школьных лет фотография, на которой он в молодости снят в группе писателей — сотрудников журнала «Современник». Этой фотографии 122 года. Ее непреходящая ценность в том, что на ней запечатлен тот круг выдающихся русских писателей-реалистов, в который вошел молодой Толстой, вернувшись осенью 1855 года с бастионов Севастополя. Ценность ее также в том, что под коллективным портретом писателей находятся дружеские автографы Тургенева, Гончарова, Островского и Дружинина.

Как возникла эта фотография? Кто был ее инициатором? Чей это был благословенный замысел — собрать в одну группу выдающихся русских литераторов?

Некоторые исследователи, основываясь на одном из писем И. А. Гончарова, утверждали, будто замысел принадлежал известному петербургскому фотографу, двоюродному брату А. И. Герцена — С. Л. Левицкому, который и сделал этот замечательный снимок. И. А. Гончаров действительно в эти дни писал своей знакомой Е. В. Толстой (по мужу Мусиной-Пушкиной): «Левицкий на днях пригласил к себе многих литераторов, в том числе и меня, и просил позволения снять портреты, для

спекуляции кажется: хочет продавать и посылать в Париж...»

Однако дело происходило не так. Замысел этот принадлежал не Левицкому, а молодому Толстому, который, вернувшись с Крымской войны, с радостью познакомился и подружился с выдающимися русскими писателями, принявшими его в свой круг с распростертыми объятиями.

О том, что дело обстояло именно так, мы узнаем из переписки Толстого этих дней с его сестрой Марией Николаевной. «По моему предложению (подчеркнуто мною. — А. Ш.), все литераторы сделали фотографическую группу: Тургенев, Григорьев, Дружинин, Гончаров, Островский и я, и эту группу я тебе пришлю».

Инициативу Толстого в этом деле подтверждает и снятый на фотографии критик А. В. Дружинин. В его неизданном дневнике, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), описана не только сама съемка, но и та атмосфера дружеского веселья, которая при этом царилла. «Утром, — пишет А. В. Дружинин, — по плану Толстого (подчеркнуто мною. — А. Ш.) сошлись у Левицкого я, Тургенев, Григорьев, Толстой, Островский, Гончаров... Сняли фотографией наши лица. Утро в павильоне фотографическом имело нечто интересное. Пересматривали портреты свои и чужие, смеялись, беседовали и убивали время».

Снимок писателей был вскоре готов и получил в литературной среде большое распространение. Предпримчивый фотограф действительно широко разложил его и даже послал за границу. Вместе с тем уже тогда у многих возник вопрос, почему на снимке нет редактора «Современника» Н. А. Некрасова и активного сотрудника журнала М. Е. Салтыкова-Щедрина, входившего в тот же дружеский кружок. По этому поводу делались разные догадки относительно якобы неких разногласий в журнале. Однако слухи не

ЖИЗНИ

поспешно исправляли свои суждения в духе «Дела». Общее мнение складывалось не в пользу Толстого.

Некрасов довольно долго верил в надежду, которую «поманил» его Толстой. Но роман «Анна Каренина» был отдан не в «Отечественные записки», а в «Русский вестник». Надежда сменилась разочарованием. К этому еще примешивалось и сожаление по поводу того, что Толстой, может быть, невольно подкрепил своим именем «катковскую партию».

Однако журнал занял по отношению к роману Толстого выжидательную позицию. В то время как об «Анне Карениной» спорили всюду — в газетах и журналах, «Отечественные записки» хранили молчание. Только изредка, в публицистических статьях Н. Михайловского, проскальзывали отдельные разрозненные замечания, кстати говоря, далеко превосходящие по глубине все, что писалось тогда о романе.

Создается впечатление, что Некрасов решил дождаться окончания публикации романа, чтобы высказаться о нем в целом. И не вмешивался в пристрастную полемику о романе Толстого. Он ограничился шутилкой эпиграммой.

Особую позицию в отношении к «Анне Карениной» занимал Н. Михайловский. Он судил о романе Толстого по контрасту с его педагогическими статьями.

Однако в отличие от критиков, восхвалявших роман Толстого за его пристрастие к положительным началам, и в отличие от критиков, порицавших Толстого за его пристрастие к одним только положительным началам, Михайловский совершенно отчетливо заметил в романе противоречия.

Михайловский заметил одну характерную особенность Толстого — его способность «дать противоположные суждения об одном и том же предмете». Эту способность он и называл «противоречием». Михайловский находил у Толстого не одно, не два, а «целую систему противоречий». Несомненной заслугой Михайловского было то, что он начал разговор о противоречиях Толстого.

Словом «десница», то есть «правая рука», Михайловский называл «силу» Толстого — его художественное творчество, а словом «шуйца», то есть «левая рука»,

он окрестил его «слабость» — мировоззрение. Поэтому противоречия Толстого представлялись ему следствием оригинальности и какой-то раздвоенности его личности.

Против этой недиалектической трактовки творчества Толстого выступал В. И. Ленин, когда он писал: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореволюционную, но дореволюционную эпоху». Ленинская концепция творчества Толстого выросла из преодоления старой народнической критики.

Наконец печатание романа было окончено. Надо было высказаться по существу. Тем более, что уже стали появляться в журналах и газетах итоговые оценки. Достоевский, например, в своем «Дневнике писателя» заговорил о «злобе дня» и романе Толстого как «факте особого значения». И в «Отечественных записках» была напечатана короткая неподписанная статья.

«Рецензия «Отечественных записок», если в нее вчитаться внимательно, представляет собой полемическое выступление. Слово журнал возражает кому-то. Скорее всего адресатом этого возражения был Достоевский. В своем «Дневнике писателя» он доказывал, что Облонский и Левин — это два настоящих героя времени.

Только одна статья об «Анне Карениной» по-настоящему взволновала Толстого. Статья называлась «Что случилось по смерти Анны Карениной в «Русском вестнике»?». Она была подписана псевдонимом Болагов. Ее прислал Толстому письмом в Ясную Поляну в 1877 году А. Фет.

«Мне очень приятно было читать анализ своих мыслей, при котором все мои мысли, взгляды, сочувствия, затаенные стремления понятии верно и поставлены все на настоящее место», — говорил Толстой.

Толстому хотелось, чтобы статья была напечатана, хотя он был уверен, что она

пройдет или незамеченной, или окажется непонятой. Имя Болагова также заинтересовало и заинтриговало Толстого. И он очень скоро раскрыл этот псевдоним, услышав в статье знакомый голос. В письме к Страхову он говорил: «С первых страниц я узнал Фета. Статья, по-моему, очень хороша, за исключением преизбытка и неожиданности сравнений».

Фет был восхищен в «Анне Карениной» прежде всего художественным единством всего произведения. «Что сказать про художественное мастерство целого? Про простую столлярную работу. Какое мастерство вводит новые лица!», — восклицал Фет.

Статья именно с этого и начинается — с обоснования единства и разнообразия толстовского романа. Роман Толстого Фет сравнивал с романом Пушкина. «Если истинные художники сами не знают, как уверяет Пушкин, какую штуку выкинет тот или другой их герой, то в ту минуту, когда форма остыла и отливший металл выглянул окончательно на суд божий, — ничто не мешает критике обсуждать соразмерность отдельных частей произведения, отыскивая тот или другой смысл в целом». И Фет процитировал одну строку из «Евгения Онегина», указывая на своеобразие этого «целого» в «Анне Карениной»: «И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал». И это тоже вполне отвечало замыслу Толстого, который называл свой роман «широким, свободным».

Толстовскую иронию Фет понимал в современном и историческом смысле. Его не обманывала, как других, великосветскость романа.

«А небось чувт они все, — говорил он в письме к Толстому о «сильных мира сего», — что этот роман есть строгий, неподкупный суд всему нашему строю жизни. От мужика до говядины принца. Чуют, что над ними есть глаз, иначе вооруженный, чем их слепорожденные гляделки. То, что им кажется несомненно честным, хорошим, желательным, изящным, завидным, оказывается тупым, грубым, бессмысленным и смешным. Этого они в своем английском приборе ужасно не любят. А дело-то выходит бедовое».

И вот почему Толстой так ценил письмо Фета и его статью об «Анне Карениной». «Сказано все то, что я хотел сказать», — признавался Толстой. Но оттого, что все это не было напечатано в свое время, суждения Фета слишком долго не могли занять подобающего им места в критической литературе о Толстом и его романе.

Полемика о романе Толстого была очень страстной. Кажется, что у критиков, писавших об «Анне Карениной», не было ни времени, ни терпения для того, чтобы понять замысел Толстого в целом.

Превратность многих суждений была столь очевидна, что от Толстого ожидали какого-то объяснения, оправдания. Но он и не думал вступаться за «Анну Каренину». Только в письме к Страхову сказал: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал сначала».

Искусство как целое и отыскивание отдельных мыслей — вот сущность конфликта между Толстым и его критиками в эпоху «Анны Карениной». Для Толстого роман — это «лабиринт», и он не особенно удивлялся тому, что многие запутались в «бесконечных сцеплениях».

Ни одно из произведений Толстого, написанных до перелома в мирозерцании, не вызвало таких споров, как «Анна Каренина». В конечном итоге это его произведение получило признание как «величайший социальный роман во всей мировой литературе». Само время произвело отбор оценок и установило истинное значение труда гения русской литературы.

Эдуард БАБАЕВ,
кандидат филологических наук.

А. ШИФМАН,
доктор филологических наук.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ЮНКЕР ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ДОКТОР ДРОЗДОВ

Летом 1852 года юнкер Лев Толстой, страдающий ревматическими болями, приехал лечиться в Пятигорск. Это был важный период в жизни молодого человека: он искал жизненное призвание. В курортном городке было закончено его первое произведение — «Детство», откуда отправлено 4 июля редактору журнала «Современник» Н. А. Некрасову, который опубликовал его в сентябре. Так Пятигорск после Пушкина и Лермонтова сделался колыбелью творчества еще одного гения русской литературы.

Литературные занятия были сопряжены с лечением минеральными водами. Представившись военному коменданту, юноша обращается к доктору. То был Иван Ефремович Дроздов, опытный и знающий штаб-лекарь, помощник главного врача пятигорского госпиталя. Дроздов служил на курорте с 1835 года. В журнале Министерства внутренних дел в 1839 году была напечатана его статья «О Кавказских минеральных водах». Толстому он прописал серную воду Ермоловских ванн и питье из Александровского источника, которые в то время находились рядом на Горячей горе.

В дневнике за 18 мая Лев Николаевич отметил: «Был доктор, со вторника начну ванны». Наблюдая за состоянием больного, Дроздов навещал Толстого в снятом им тихом домике в Кабардинской слободке. За 13 июля в дневнике запись: «Был доктор, и я назвался к нему. Пойду». Так началось сближение врача и начинающего писателя, несмотря на разницу в возрасте. Об одном посещении дома Дроздовых записано: «Был застенчив, но приличен. С собой доволен».

Это, пожалуй, было первое соприкосновение графа Толстого с демократической русской интеллигенцией, думающей, просвещенной и живущей на свои труды.

Кроме общих литературных интересов, посещение семьи Дроздовых было связано и с музыкой, по которой так истосковался Толстой, живя на «Линии», в станице Старогладковской, где стояла его батарея. Дроздов тоже страстно любил музыку и дал детям хорошее музыкальное образование. Его дочь Клавдия, впоследствии известная пианистка К. И. Любомирская, аккомпанировала певцам и музыкантам. Сын врача И. И. Дроздов в «Записках кавказца», напечатанных позже, вспоминал, что Толстой с его сестрой играли в четыре руки. «Выбор пьес был трудный. Лев Николаевич предпочитал Бетховена и Моцарта всем остальным композиторам, а в особенности итальянским, музыку которых он считал «сладенькой». Но сестра играла достаточно хорошо, чтобы партии их проходили возможно гладко». Хозяйка известной пятигорской гостиницы, генеральша Е. И. Мерлини, негодуя на частые музыкальные вечера у доктора, своим опоздавшим гостям говорила язвительно: «Должно быть, слушал обедню у Дроздовых?»

Чуждавшийся светского курортного общества, раздумывающий и много работающий над будущими произведениями, Толстой в семье Дроздовых нашел близкую ему по духу среду. Еще чаще он посещал их, приехав сюда из Чечни на следующее лето. Вместе с детьми Дроздова, своими сверстниками, верхом оббегал живописные окрестности. «Ездил верхом с Дроздовыми», — часто записывает он.

При расставании с Пятигорском, как оказалось, навсегда, напутствуемый всей милой семьей, Лев Николаевич подарил ей на память свою подзорную трубу, которая долго хранилась как самая драгоценная реликвия.

Е. ПОЛЬСКАЯ.

ПЯТИГОРСК.

имели под собой почву. Дело объяснялось очень просто. Некрасов в это утро заболел и не смог приехать на съемку, а «положение вятского изгнанника М. Е. Салтыкова еще не было тогда (1856) географически улучшено, чтоб он мог занять свое место в этой группе» («Русская старина», 1880, № 4).

В последующие годы, глядя ваясь иногда в дорожку для него снимок, Толстой не раз вспоминал то морозное февральское утро 1856 года. Старая фотография

напоминала ему о писательской юности, о первых успехах на литературном поприще, а главное, о молодой дружбе с лучшими представителями русской литературы. Все они были тогда старше его и пользовались известностью. Но уже по его первым рассказам, присланным с Кавказа и из Севастополя, они разглядели в нем, как писал Н. Г. Чернышевский, «прекрасную надежду для нашей литературы».